

18+

Александр Симкин

**СОМНЕНИЯ
РОБЕРТА
ФАРРЕЛА**

Александр Симкин
Сомнения Роберта Фаррела

«Издательские решения»

Симкин А.

Сомнения Роберта Фаррела / А. Симкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517677-6

«Сомнения Роберта Фаррела» — трагическая история молодого Роберта, замкнутого, но искреннего парня, который переезжает в большой город и встречает на своем пути покинутых людей. Каждый рассказывает свою историю одиночества, будь то беззаботная обеспеченная студентка, начинающий карьерист, бедная талантливая художница или разочаровавшийся в мире журналист. И каждого мучает странное и опустошающее чувство уходящего от нас и ушедшего. Роман о нежной, мучительной любви и глубоком, уничтожающем горе. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-517677-6

© Симкин А.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Сомнения Роберта Фаррела	6
Мучительное эссе	17
Смятение Эли Криг	19
Отчуждение Майка Брауна	22
Смятение Эли Криг	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сомнения Роберта Фаррела

Александр Симкин

© Александр Симкин, 2021

ISBN 978-5-0051-7677-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Сомнения Роберта Фаррела

На десятый день рождения к Роберту Фаррелу пришел странный гость.

За полчаса до этого мама, оторвавшись от общего веселья, скрылась в комнате, где лежал больной дедушка. Через несколько мгновений она, встревоженная, сделала телефонный звонок и уже не показывалась из комнаты своего отца до того, как в дверь не позвонил тот самый гость.

Когда мама впустила его в дом, Роберт увидел, что это был человек средних лет, немногим старше мамы. Мальчик сделал такой вывод по небольшому росту пришедшего – взрослые разговаривали на равных, смотря друг другу в глаза.

Все самое важное Роберт определял длиной, шириной и высотой. Когда повзрослеет, количественное перейдет в качественное.

Гость снял черное дорожное пальто, ботинки, не поддавшись на заверения мамы, что их можно не снимать, так как в доме все равно грязно и уборку она будет делать чуть ли не сразу после ухода этого гостя. Он все-таки снял свои ботинки. Мама приняла его шляпу и указала в сторону комнаты, где лежал дед. Гость взял с тумбочки сумку и, словно на цыпочках, стараясь не выдавать своего неуместного присутствия в разгар веселья, прошел в комнату. Роберт заметил, как гость незаметно обменялся приветственными кивками с его отцом. «Откуда папа может знать этого человека?» – подумал Роберт.

Между тем мама скрылась в комнате вслед за гостем.

Потеряв из виду объект своего любопытства, Роберт утратил к происходящему в комнате деда всякий интерес. Празднование дня рождения было в разгаре. Мама в последний момент перед приходом гостя успела вынести торт. Сегодня собрались все друзья Роберта. Даже нелюбимый Жульен, которого в школе дразнили Совой. Не из-за того, что он был сонным на уроках и часто просыпал занятия. Всем своим видом полного, упитанного карапуза, с полным отсутствием шеи, потому что голова плавно переходила в плечи, он напоминал напыщенную птицу филина. Впрочем, своим характером он с лихвой оправдывал прилепившееся к нему прозвище. Именно прилепившееся, потому что к человеку сдержанному и приветливому не пристаёт всякая гадость.

В отсутствие мамы за столом хозяйничал отец. Получалось как-то неуклюже. Папа дождался, когда дети, налопавшись вдоволь сладкого крема и воздушной слойки, начали играть, чтобы присоединиться к жене.

За окном было сумрачно и вяло. Роберт не любил такую погоду. Сморщенные листья тоскливо болтались на скрюченных ветвях, не в силах оторваться, и ждали с нетерпением своего последнего путешествия. Когда ветер поднимался, они стучали в окно, беспомощно пытаясь привлечь к себе внимание людей по ту сторону стекла, словно что-то хотели сказать напоследок, что-то очень важное, известное только им. Во всяком случае Роберту казалось именно так. Но мама не разрешала открывать окно, тем более в такую промозглую погоду, потому что легкие ее сына были еще слабыми, и непредвиденный сквозняк мог нанести им вред. А листья умоляли и просили, испытывая последние мгновения надежды на ветру. Иногда Роберт просыпался ночью от слишком навязчивых ударов в окно.

Между тем, пока дети мирно играли в гостиной, в комнате, где лежал дед, происходил печальный разговор.

– Что вы скажете, доктор? Мы сможем ему помочь, поместив в клинику?

Доктор только что закончил осмотр. Холодные медицинские приборы разочарованно опускались на свои привычные места, досадуя, что от этого старого тела смогли получить совсем немного тепла.

– Анализы вашего отца, что вы принесли мне на прошлой неделе, показали плохие результаты, Рейчел. Цирроз печени слишком быстро, будто одномоментно достиг последней стадии. Для вашего отца это был как нокаут. Даже если мы поместим его в больницу, это ничего не изменит. Мы только отсрочим неизбежное, в лучшем случае на неделю.

Каждый подумал о чем-то своем.

– Он всегда говорил, что не хочет умирать в больнице, – глаза Рейчел налились влагой, но она так и не смогла прослезиться. Эта женщина была из тех людей, слезы которых стекают внутрь, никогда наружу, отдаваясь особенно жгучей болью на сердце.

– Тем более я советую вам оставить его дома, – доктор открыл саквояж, что-то достал и протянул Рейчел. Маленький бутылек из темного стекла. – Вот, это снимет боль. Давайте ему с водой утром и вечером по несколько капель. Содержимое сделает его немного сонным, зато рези в животе стихнут, да и вам будет спокойнее.

– Спасибо, Раймонд... – она сжала бутылек в ладонях.

Доктор не понаслышке знал, как невыносимо, когда в доме мучительно угасает человек. Он применял исключительно это слово, потому что умирающий человек каждый раз неотступно вызывал у него ассоциации с маленьким огарком свечи, беззащитным перед съедающим его пламенем жизни. Он знал, что крики и стоны больного, пусть это и близкий, пусть и отец, доносящиеся словно из преисподней, способны черной желчью растворить разум окружающих его здоровых людей. Все, кого он знал, кто ему встречался – здоровые люди – бежали со всех ног от того места, где, цепляясь за жизнь, угасал человек.

В комнату вошел отец.

Дед лежал спиной к ним, в полудреме. Рейчел сжимала в ладонях бутылек, сдерживаясь от слез с упрямой натугой, словно наоборот хотела, чтобы они наконец-таки истерично хлынули из глаз, принеся желанное облегчение.

– Ну что? – спросил машинально Дэвид, прежде чем ухватил общее настроение и понял по глазам доктора, что новости не успокаивающие.

– Позаботьтесь, чтобы ваш отец тихо и спокойно дожил свои дни, – это прозвучало как приговор, тем более из уст доктора. Это и был приговор, и каждый понимал это с предельной ясностью, поэтому неприятие этого факта выглядело бы как хорошая постановка кукольного театра. – Если что-нибудь понадобится, вы знаете, как меня найти.

Доктор дотронулся до плеча Рейчел и вышел из комнаты.

– Я провожу его, – бросил Дэвид и исчез вслед за ним.

Когда Роберт увидел, как отец жмет руку таинственному посетителю и о чем-то с ним говорит, он вспомнил, кем был этот человек. Доктор Раймонд. Роберт был у него на осмотре несколько лет назад. Мама говорила, что это их лечащий врач. И хоть Роберт и не мог вспомнить всех подробностей их знакомства, доктор Раймонд знал об этом мальчике все с самых пеленок.

Роберту Фаррелу не везло в смерти.

Случилось так, что ему пришлось пережить три клинические смерти при рождении. Все это время доктор Раймонд был рядом. Мальчик не помнил, что с ним произошло. И родители посчитали нужным не упоминать об этом до поры до времени. Но тело Роберта помнило все. Оно не могло забыть три остановки сердца, не могло забыть, как мозг приходил в замешательство, когда тело раз за разом отказывалось слушаться, а сердце, которое он так старательно хотел запустить, не отвечало на нервные импульсы.

Так или иначе, все это повлияло на дальнейшую жизнь мальчика.

Тогда именно доктор Раймонд каждый раз заставлял его только что родившееся сердце биться с новой частотой, пока оно окончательно не пришло в себя. Вот так и происходит со всеми нами. Человек спас нам жизнь, а мы не можем понять, откуда же пришло это долгожданное спасение.

Отец проводил доктора и закрыл за ним дверь. Затем скрылся на кухне. Роберту стало скучно и тоскливо, потому что он не чувствовал родителей на празднике. Хотелось обидеться, но мальчик не стал. Под общий шум веселья он пришел в комнату деда, пока не видит отца. Он редко заходил сюда. Нет, ему не запрещалось этого делать. Но не любопытство гнало его сюда. Что-то вроде чувства самосохранения, о котором мы просто не подозреваем. Как не испытываем интереса перед высокими зданиями, например. Мы смотрим на них снизу вверх и не спешим ощутить это притягательное чувство, когда земля уходит из-под твоих ног и остается доверять лишь хлипким перекрытиям, на которых ты стоишь. Нам это не интересно, не приходило в голову, просто-напросто нет времени. Но если волей случая нам доведется побывать в таком месте, мы поймем, что это наше тело не пускало нас туда, окутывая самый верхний парашют смотровой башни дымкой безразличия. Мы и не догадывались, что у нас панический страх высоты.

Что-то подобное происходило и с Робертом. Да, что-то подобное.

Лишь редким случаем он попадал в комнату к деду (тот все время спал) по маленьким поручениям мамы. Видимо, его родители тоже не считали нужным общение между дедом и внуком.

Роберт вообще не застал старшее поколение их семьи. Бабушка умерла, когда мальчику не исполнилось и года. А дед впал в беспробудное детство, когда Роберт только начал сознательную жизнь. Так и получилось, что они разминулись на этой загадочной тропе времени.

Дед Роберта был молчаливым человеком, да и сам Роберт не претендовал на звание любознательного ребенка. Между ними не было никаких дружеских отношений. Родители Роберта оставили деда в семье, понимая, что сам о себе позаботиться он не в состоянии, а место в доме престарелых стоило слишком дорого. Так и бродил дед между кроватью и телевизором, не вызывая до определенного момента у своего внука никакого интереса.

И вот теперь старость подступила настолько близко, что смогла дотронуться до левого плеча.

Роберт вошел в комнату. Мама сидела в кресле, изучая странный бутылек. Она время от времени терла ладонью сухие глаза, словно прятала слезы. Мальчику не понравилась эта подозрительная склянка. Хоть она и была маленькой, но веяло от нее чем-то беззащитно-зловещим.

Дед лежал, уткнувшись лицом в спинку дивана.

– Это был доктор Раймонд? – спросил он.

– Да, солнышко. Он просил поздравить тебя с днем рождения от его имени. Сам он не смог, у доктора еще много дел. И потом, нехорошо доктору при исполнении омрачать праздник своим присутствием.

– Он так и сказал?

– Да, так и сказал.

Она погладила его по голове и прижала к себе, бросив тот же недоверчивый взгляд на бутылек в руке. Смирилась.

Роберт пожалел, что не смог повидаться с доктором. Постоять рядом, когда тот разговаривает с его родителями, не подозревая, что маленькое существо, стоящее рядом, переполнено чувством благоговения и преданности, интереса и трепета. Ему нравились врачи. Во всяком случае Роберт говорил себе так. Казалось, что они ведают обо всем. Ведь не может же происходить так, чтобы доктор, зная все о человеке, мог не знать чего-то об окружающем нас мире.

Однако Роберт не любил больницы. И не потому, что там делают больно. Однажды на приеме, когда он сильно застудил ухо, при словах врача «Это серьезно. Мальчику нужно несколько дней провести в больнице» в глазах у Роберта неожиданно потемнело, словно миллионы беспорядочно движущихся точек высыпали из своего укрытия и застлали его глаза. С потемнением в глазах помутнел весь мир. Роберт не мог найти себя в окружающей обстановке. Он попятился к кушетке и опрокинулся на нее, сжав лицо ладонями. Живой организм темноты, захвативший все его тело, начал постепенно отступать.

Мама, стоявшая рядом, посмотрела на растерянное лицо сына, списав подобное поведение на испуг после слов врача. И действительно, он испугался, но испугался не болезненных и неприятных процедур, не дней, которые предстояло провести вне дома, в больничных стенах, Роберта объял ужас перед подступающей темнотой, словно она о чем-то предупредила его, шепнула на ушко секрет, показала его глазам что-то запредельное или, быть может, просто дала знать о своем существовании.

Так это или нет, однако теперь всякий раз больничные стены ассоциировались у мальчика с этой темнотой, до странной дрожи в коленях.

Рейчел встала и вышла из комнаты на зов побрякивающей на кухне посуды. Она поцеловала Роберта в лоб и попросила быть осторожным, чтобы не растревожить дедушку. Мальчик остался один в комнате. Ему не была известна цель прихода доктора Раймонда. Но детское интуитивное восприятие почувствовало навязчивое изменение. В комнате стало будто печальнее, сюда не проникал смех его друзей, доносящийся из гостиной, а если его и удавалось слышать, то здесь он терял свое значение, становился бессмысленным и сухим. Даже пожухлые ветви деревьев, расположившиеся между его и окном деда, предпочитали тоскливо стучать в стекло, за которым жил мальчик. Ему хотели что-то сказать, его просили.

Какая-то часть маленького мальчика, та часть, которой суждено по прошествии лет стать взрослым мужчиной, знала, что дед умирает. Но сегодня Роберт не понимал истинного значения этого события.

Он хотел отдаться на волю детских криков, но в последний момент передумал. Дед издал истошный хрип. Он перевернулся на другой бок. Роберт занервничал, переживая, что дед вот-вот может проснуться и ему придется что-то сказать либо молча, притворившись чужим, выйти из комнаты.

Но тяжелые веки старческой плоти были слишком слабы и беспомощны, чтобы под мощным давлением дневного света открыться одному из новых дней.

Роберт видел глубокие морщины на иссохшем лице, волосы, торчащие ежиком, они так и не поддались седине, сморщенную ладонь, принявшую щеку, словно та не доверяет мягкости подушки, по-детски прижатые к животу колени, хотя места на диване было более чем достаточно, будто тело стремилось к первоначальному положению. Грудь еле вздымалась, не в силах полностью заполнить легкие воздухом.

Роберта заворожило это видение.

Вошел Сова.

– Что тебе здесь надо? – встретил его враждебно Роберт.

В руках у Совы был кусок торта.

– Твоя мама сказала, чтобы я позвал тебя к столу, – он ехидно глянул Роберту за плечо. – О, это твой дед.

– Да, – сухо отрезал мальчик.

– А почему он не празднует вместе с нами?

– Он болеет, очень сильно. – Роберт повернулся к деду, показав Сове свою спину. Впервые за столько дней он почувствовал жалость к деду. Хотелось пощупать, дотронуться до этого нового чувства. Дед лежал такой беззащитный. «Он ведь никому не сделал никакого зла», – думал про себя мальчик. Мама всегда говорила, что ее отец был скромным человеком, но эта

скромность не мешала быть ему дружелюбным и простодушным со всеми. Иногда и молчаливые люди могут выразить больше, чем те, кто умеет хорошо говорить. Важные птицы. «Мой дед молча сделал гораздо больше, чем все они вместе взятые», – думал он.

Сова подошел ближе к деду. Он стал рассматривать его лицо. Роберту почувствовал брезгливость. Обида подступила незаметно. Дед казался беззащитным.

– Давай подшутим, – сказал Сова, и, прежде чем Роберт успел возразить, он зачерпнул пальцами кусочек своего торта, там, где был крем, и размазал его по носу спящего деда. Старик не смог ничего почувствовать.

Волна ненависти поглотила Роберта. Неконтролируемой агрессии, праведной, которую хочется направить на глупого злодея. Эмоции детей восхитительны своим совершенством. Никакой примеси. Они не думают, что будут думать другие об их поступке, не волнуются за свой вид и репутацию.

Роберт наотмашь ударил Сову ладонью в ухо. Получился звонкий хлопок.

Пухлое лицо Совы тут же налилось кровью, стало красным, как раскаленная головешка. Мальчики несколько мгновений неотрывно пожирали глазами друг друга, ожидая, что же будет в следующий момент. Но тут Сову спугнули приближающиеся шаги взрослого: он рванул с места и молнией скрылся за дверью.

Роберту хотелось заплакать от обиды. Он достал платок из заднего кармана, собираясь вытереть нос деда. Но старик грузно перевернулся на другой бок, закрыв лицо от внешнего мира в спинке дивана.

В комнату вошла мама, позвав Роберта к столу. Она ничего не заметила. «Как она могла?» – подумал Роберт. Ему стало еще обидней. Но ябедничать на Сову он не стал.

Весь оставшийся день мальчик был хмурый и задумчивый. Очевидная близость с дедом, которую он до сих пор не замечал, теперь желалась как никогда.

Но деду осталось слишком мало времени.

Десятый год в жизни Роберта Фаррела был особенно странным.

В десять лет Роберт Фаррел непонятным, в большей степени для самого себя, образом начал слышать воспоминания своего деда, который в скором времени должен был отойти в мир иной. Что, в сущности, означала эта фраза, которую употребляли его родители, тихо переговариваясь между собой, Роберт не знал. Впрочем, в это время вопрос о местонахождении и назначении этого потустороннего мира его волновал не так сильно, как одно обстоятельство.

Каждый раз, когда дед засыпал или находился в глубокой полудреме, его гортанные связки под придыхание легких и шлепанье губ издавали странные звуки, похожие на прилив моря, если закрыть глаза, забыть, где ты находишься, и отдаться воле этих звуков, не придавая значения их реальному происхождению. Наверное, это шум моря как раз в том потустороннем, ином, как говорили его родители, мире, и так как дед скоро окажется там, то он начал говорить в забытии на языке этого мира, думал Роберт.

Но почему-то этот язык был понятен только ему.

Это так и осталось для него загадкой. Потом он так и не сможет вспомнить, как случилось так, что он начал слышать мысли своего деда.

Случилось это неожиданно.

Десятый год в жизни Роберта Фаррела был особенно странным.

Мама с каждым днем становилась все грустнее. Будто таяла ее улыбка. Она теперь почти не улыбалась, лишь мимолетно и застенчиво, когда Роберт приносил хорошую весть из школы. Она стала редко говорить, общалась со своим сыном отрывистыми фразами, обозначающими больше побуждение к какому-либо действию. Из ее разговоров полностью исчезла повествовательная речь. Даже если она в забытии и начинала что-то рассказывать Роберту, то вскоре словно невидимый заряд электрического напряжения останавливал ее мысль, она задумыва-

лась, мрачнела, и этот разговор забывался навсегда. «Ах, это все мелочи жизни», – махала она рукой и принималась за очередное действие.

Отец появлялся дома все реже и реже. Когда Роберт спрашивал, почему папа так редко приходит домой, Рейчел отвечала, что у него много работы, что папа занятой человек, он должен зарабатывать деньги.

Мама иногда сидела у телевизора, но Роберт видел, что она его не смотрит. Да, ее взгляд проходил через экран кинескопа, но останавливался он не на весело пляшущих и поющих картинках, он пронзал аппарат и рассеивался в воздухе, потеряв всякую цель. Роберт, сидя за уроками, мог заметить, что из глаза у мамы медленно течет хрустальная слезинка. Наверное, мама сама не замечала этого, но мальчик не показывал своего недоумения. Он просто играл в свои игрушки. Когда мама начинала переключать каналы, он успокаивался: значит, она действительно смотрит телевизор.

И вот однажды папа просто не пришел.

Не пришел он и на следующий день.

Но казалось, что мама не беспокоится. Видимо, думал Роберт, папа куда-то уехал, а мама просто забыла сыну сказать об этом. Она все чаще сидела у телевизора, придя с работы. В квартире была чистота и порядок. Рейчел не знала, чем себя занять. Оставалось лишь непринужденное, ни к чему не обязывающее занятие, как сидение перед телевизором. Иногда это помогало отрешиться от своих проблем. Но действие было абсолютное: либо ты полностью погружался в иллюзорный мир, забывая обо всем, либо отвлекался от окружающего мира, и тут-то твои проблемы, ожидающие своего часа, обрушивались на тебя с невероятной силой убеждения. Обычно это происходило, когда Рейчел замечала в происходящем на экране что-то абсолютно глупое, штампованную фразу, прописную истину или абсурдное действие. Этот ярлык словно вырывал его из потока навязанных мыслей и бросал на растерзание отчаянию. Так или иначе, Рейчел продолжала проводить вечера перед телевизором.

Роберт теперь сам мог возвращаться из школы домой. Он делал это в одиночестве. Отношения с Совой стали формальными. Роберту казалось, этот задавала стал его остерегаться. Они не общались. А когда волей случая Сове нужно было пойти с Робертом на контакт, он делал это церемониально, словно исполнял традиционный ритуал, который, быть может, ему не по душе, но окружающие требуют того. Впрочем, Роберт не придавал этому большого значения. Он был рад, что его оставили в покое. Он стал задумчивым ребенком, а все думали, что он просто рассеянный.

Теперь Роберт присматривал за дедом. Старик все так же лежал на диване.

Ветви, которые бились в окно, стали совсем голыми. Мальчик так и не узнал той тайны, которую они хотели ему рассказать. Они теперь не стучали, а скребли по стеклу, будто сказать им больше нечего, но не нужно забывать об их существовании. Они здесь. Они рядом. Роберт понадеялся, что следующее поколение листьев сможет-таки поведать ему секрет. А пока он оставил ветви зимовать за стеклом.

Когда прошла неделя, а отец так и не появился, Роберт решил спросить у мамы, куда делся их папа. Рейчел прижала его к груди и сказала, что папа ушел. Но ему не стоит сильно переживать, они вдвоем, они вместе, и у них все будет хорошо. Она опустила на колени, посмотрела в растерянное лицо Роберта и поцеловала его в лоб. «А теперь сходи посмотри, как там дедушка», – сказала она.

Рейчел хотела сказать гораздо больше, хотела успокоить сына и заверить его, что бояться нечего, что его отец просто будет жить в другом месте, но все так же будет помогать ей и своему сыну. Она хотела сказать все это, но липкий ком слез подступал к горлу. Это были не те чистые хрустальные капельки, который человек мог позволить себе при рождении ребенка, при встрече, после долгого расставания. Это были желчные слезы обиды, предательства и отчаяния. Они не спешили освободить своего обладателя от невыносимой ноши. Такие слезы всегда

расчетливо и медленно поднимаются из самых глубин души, задевая по пути все струнки твоего сердца, и человеку остается лишь наслаждаться своим горем.

Роберт сел на кресло рядом с дедом и стал думать, что же мама имела в виду.

Он всегда чувствовал, что от отца исходит угроза. Лишь мама могла успокоить и приласкать ребенка во время невзгоды. Отец же был строг и прям. Но сейчас, когда отца не было рядом, Роберт чувствовал, что в его жизни не хватает чего-то главного. Это было лишь настроением, Роберт не мог облечь свое настроение в слова, но сердце понимало, что одну из частей его полноценной жизни выбросили на помойку. Есть ли этому оправдание? Роберт думал, что, может, он чем-то расстроил своего отца. Может, все из-за того, что он плохой ребенок. Чем мог он расстроить отца, если он ушел и даже не попрощался?

Роберт сидел в кресле. Его ноги свисали с высокого сиденья. Напротив спал дед и мирно сопел. Мальчику показалось, что он подвывает стонавшему за окном ветру. Их дуэт был забавным, и Роберт улыбнулся. Мысли об отце покинули его. Он смотрел на лицо деда. В эти мгновения приходили единственные моменты безмыслия, когда Роберт мог отрешиться от всех проблем, одолевающих его детскую душу.

Вдруг дед, не отрывая глаз, что-то сказал уголками рта. Роберт так глубоко погрузился в себя, что не смог разобрать ни слова. Дед прошептал еще что-то невнятное, все так же оставаясь в дремоте. Мальчик хотел позвать маму, но понял, что его предок всего лишь говорит во сне. Его шепот был еле различим, но, если напрячь слух и отбросить все звуки окружающего мира, можно было различить слова и даже целые предложения.

Роберт подбежал к маме и спросил:

– Можно я порисую в комнате деда?

– Хорошо, – ответила она, – только негромко.

Он не стал говорить маме о своем открытии, хотя слова сами просились на язык. Но Роберт знал, если сказать маме, она запретит ему заходить в комнату деда, чтобы не мешать старческому сну.

Мальчик нашел свои письменные принадлежности и расположился на полу, рядом с головой деда. Он ловил в воздухе произнесенные слова и записывал их в тетрадь.

Когда дед вдруг замолк, Роберт смотрел на него, пытаясь различить малейшие признаки жизни.

Тело старика будто теряло свое стороннее сознание и начинало говорить, само собой. Оно полностью замирало, изменяя своей индивидуальности. Даже черты лица приобретали совершенно другие пропорции. Некоторые линии расплывались, другие, наоборот, собирались в кучку, будто во сне действовали другие группы мышц. В эти моменты любые законы физиологии не имели для него никакого значения. Казалось, что тело погружалось в свою реальность, и соединение этих двух состояний, двух реальностей, повседневного и мира сна, и мог слышать Роберт.

Он заполнил тетрадный лист отрывочными фразами и словами, прежде чем старик умолк и начал шевелить веками. «Он просыпается», – думал Роберт и бежал в свою комнату.

Подобные приключения стали постоянными.

Роберт спешил из школы домой, и, как только дед подходил к кровати после беспорядочного бродяжничества по дому или сидения перед телевизором, мальчик хватал свою тетрадь, специально заведенную под заметки об откровениях деда, и садился рядом, сосредоточенный, что выглядело довольно странно в его годы, и готовый для новых словопрений старика. Роберту было забавно прислушиваться к сопению деда, когда тот еще только отходил ко сну, и загадочные звуки еще не давали о себе знать. Он с нетерпением вслушивался в каждый звуковой мотив, соображая, это просто кряхтение или уже понятное ему слово. Не было точного барьера, когда Роберт мог понять переход спонтанных звуков в автоматическую речь. И не было пре-

дела радости и наслаждения, этого таинственного наслаждения, когда о нем знаешь только ты один, при появлении первых свободных значений.

Никто не мог поймать Роберта за странным занятием. Расположившись среди учебников и тетрадей на окне рядом с кроватью деда, Роберт под видом решения задач старался записывать особенно странные речи своего деда.

Иногда все, что произносил дед, не имело никакого значения. Его слова были хаотичными, а фразы поистине немислимыми, оттого эта путаница и необычность были жутко интересны Роберту. Фразы то появлялись, то обрывались, увыстряли ход и замедлялись до такой степени, что Роберт, записывая одно слово, ждал появления следующего, скрупулезно выводя его на бумаге. Нередко фраза могла повторяться, зачастую, если такое случалось, Роберт уже не надеялся услышать что-то новое, зная, что в таких случаях дед должен скоро проснуться.

Быстрый затянувшийся бред он просто прослушивал, стараясь как можно подробнее запомнить его – то могли быть интересные события и случаи, о которых дед никогда не упоминал при жизни, сюжеты этих событий иногда доходили до абсурда. Роберт понимал, что дед сейчас не в себе. Странная, повседневная и довольно символичная фраза, истинное значение которой мы потеряли в ворохе будничных бессмыслиц. Он не в себе, этим все сказано. Но где именно это «не в себе»? Куда может ускользнуть то, что было до этого внутри его деда? Где это место «не в себе»? Роберт не знал ответов на эти вопросы. Они так и остались лишь формулами в его сознании.

Роберт никогда не задумывался о происхождении этой способности к беспмятному говорению загадочными звуками, звуками, которые были понятны только ему. Детская беспечность оградила его от этих анализирующих мыслей. Его интересовал лишь сам результат, причудливые фразы и незнакомые слова, значения которых Роберт не мог найти даже в словаре. «Наверное, я сам их неправильно понял или не расслышал», – думал Роберт в такие моменты. И моменты эти были не столь редки, чтобы не заметить закономерности их появления, поэтому и записывал непонятные произношения одно за другим, собрав таким образом несколько фраз на загадочном наречии. Или это была просто бессмыслица.

Роберту были не так интересны воспоминания, произносимые дедом, как странные откровения, иногда жуткие, иногда непонятные. Он чувствовал их неподкупный смысл, чувствовал, что они говорят о чем-то важном, но что именно, не мог понять. Они не были адресованы ему, все происходящее вообще было случайностью. Но он записывал, записывал их как мог: по памяти, образно, сразу за дедом. Когда он вырастет, он поймет их, иногда думал мальчик.

Простая игра стала для Роберта теперь чем-то важным. Теперь дед был объектом его наблюдения. Они не общались, вряд ли, даже если бы дед мог внятно изъясняться, он рассказал бы ему обо всем происходящем. Для них обоих это непредвиденное, одностороннее общение было неожиданностью. Однако именно во время этого контакта Роберт чувствовал к деду странным образом возникающее уважение, не свойственное детям, и поэтому для Роберта имеющее новизну. Даже больше чем уважение, симпатию. Оно было для него действительно странным. Ему даже казалось, что глупые черты старческого ребячества исчезали, и дед становился задумчивым, и эта благородная задумчивость придавала всему его виду благодушную важность.

«О чем он думает там, что видит? – думал Роберт. Он записывал откровения деда уже несколько месяцев. – Может, все, что я слышу – это его сны, а я стал их невольным свидетелем, ведь должны же у снов быть свидетели?»

Мама не понимала причин изменения Роберта. А за это время он действительно сильно изменился. Все больше молчал, постоянно был задумчив и собран, проводил много времени

за своими тетрадами и почти перестал встречаться со своими друзьями. В речи его появилась какая-то твердость и уверенность. «Наверное, мой сын вырастет», – думала она.

Роберту уже не доставляли удовольствия его бывшие забавы с друзьями, они были скучны и потеряли весь смысл. Роберт увяз в мыслях своего деда. А тот никогда не вставал с постели.

Рейчел выполняла рекомендации доктора Раймонда. Каждый день утром и вечером дед выпивал вместе со стаканом воды обезболивающее. Когда в теле начинались острые боли, вопреки полученной дозировке, она давала отцу еще несколько капель. Старик успокаивался.

Прошло две недели. От отца не было никаких вестей. Роберт случайно подслушал телефонный разговор мамы, из которого узнал, что папа переехал в другой конец города с чужой женщиной. Он устраивал новую жизнь, поэтому ему было не до сына. Наверное, думал Роберт, должен настать момент, когда он вспомнит о нем и начнет скучать.

Дед все реже говорил во сне. Звуки стали расплывчатыми, еле уловимыми. Иногда мальчик сидел часами перед диваном, чтобы попытаться записать в тетрадь еще что-нибудь важное. Да, все, что произносил дед, Роберт считал архиважным. Его тетрадь подходила к концу. Двенадцать тонких листов были полны таинственного смысла. Мальчик не старался понять его. Придет время, говорил он себе, и все написанное станет понятным. Это как закопанный под стеклом обрывок старой бумаги с причудливыми словами. Ребенок не понимает значения этих слов, поэтому клад становится еще загадочнее. Он забывает о нем, а когда приходит время вырасти и клад по мимолетному воспоминанию бывает обнаружен, как последняя дань детству, оказывается, что это был лишь кусок учебника по математике. Теперь он прост и понятен.

Свой последний односторонний разговор с дедом Роберт записал на форзаце тетради по чистописанию. Дед говорил немного, но особенно странно. Сначала звуки причмокивали, потом стали параллельны дыханию, пока не затихли вместе с ним. Грудь деда больше не вздымалась, лишь в последний раз она приподнялась выше, чем обычно и опустилась. Навсегда.

Человек умер спокойно, тихо. Без криков о помощи, без рыданий, без сожалений. Он принял свою участь со смирением, терпением. Пусть в беспомощности, пусть во сне. Кто знает, что снилось ему в этот момент. Быть может, его сны были еще ужаснее, чем сама смерть. Быть может, в грезах его разрывали на куски, прежде чем он издал последний вздох. Ведь грезы – это не только мечтания о лучшей жизни. Грезы – это страшный, опасный, лживый мир, иллюзия. Она способна сковать нас еще при жизни и, возможно, не отпустит после смерти.

Дед умер на глазах у Роберта. Мальчик не испугался. Он увидел и запомнил на всю жизнь, как человек должен уходить из этого мира. Он стоял и смотрел на глаза старика. Почему-то после смерти они открылись. Смотрел не отрываясь. Рейчел проходя мимо заметила это. Она подошла к сыну, посмотрела на неподвижные веки отца, опустила их движением ладони и села на кресло рядом с Робертом. Они смотрели на деда почти полчаса. Никто не проронил ни слезинки. Рейчел похоронила своего отца уже давно, в тот момент, когда он сказал ей последнее «Я люблю тебя, дочка», когда он в последний раз отечески посмотрел ей в глаза и обнял за плечи, прижав к старческой груди. Это было давно. Тогда казалось, что таких моментов будет еще очень много. Только по прошествии времени понимаешь, что они были последними. Ох, если бы кто-нибудь намекнул, прошептал на ушко «Это твой последний шанс. Лови!», все было бы по-другому. Но что теперь говорить.

Рейчел поцеловала сына в макушку.

– Иди в свою комнату, – сказала она. – Мне нужно сделать звонок. Скоро придут люди, не вертись у них под ногами. Не место маленькому мальчику в комнате, где умер человек.

Она набрала номер доктора Раймонда.

Роберт последний раз посмотрел в закрытые глаза старика и вышел из комнаты.

Гроб с телом деда закопали на Восточном кладбище. Никто не плакал, когда деревянные створки исчезали под комьями земли. Будто все понимали, что смерть этого человека естественна, легкая и своевременная. На самом деле всем было все равно. Так думали только Рей-

чел и, быть может, сам Роберт. Хотя как можно понять, что творилось в голове этого мальчика в тот момент. Роберт держал за руку маму. Отец так и не пришел. Она сказала, что его сейчас нет в городе. Папа уехал в командировку. Почему-то мальчик не сильно расстроился. Это чувство безразличия стало ему даже как-то интересно. Но он думал о другом.

Роберт не мог придумать, что делать с тетрадью, которую он исписал откровениями деда.

– Здравствуйте, миссис Фаррел, – завуч жестом пригласила Рейчел присесть, напротив.

– Что-то случилось, мадам Потсс? – начала вдруг Рейчел, не успев сесть в кресло. – Если это из-за его неуспеваемости, то у мальчика просто тяжелый месяц. Ушел отец, недавно умер дед. Я не успеваю уделять ему должного внимания. Работа, по дому очень много дел. Все хозяйство теперь на мне...

– Миссис Фаррел... – перебила ее завуч.

Рейчел подняла глаза на мадам Потсс, впервые на момент встречи. Это была женщина, по виду которой можно было сказать, что она держит себя в определенных рамках только в стенах школы. Никто не знал, какая она на самом деле. Даже в интимные моменты торжеств, выпускных и юбилеев, когда многие рамки официальности стираются, мадам Потсс не могла себе позволить быть обычной женщиной.

– Мисси Фаррел, я пригласила вас сюда не за этим, – она теребила в руках какую-то тетрадь. – У Роберта все хорошо с успеваемостью, во всяком случае лучше, чем у многих других. У вас сообразительный мальчик, умный, ответственный, во многом обязательный. Я всегда примечала в нем ученика, подающего надежды. Но вы правильно сказали, последний месяц повлиял на него очень сильно. Даже сильнее, чем мы с вами можем догадываться.

Она помолчала, будто обдумывая, нужно еще что-то сказать, прежде чем открыть все на чистоту.

– На прошлой неделе учительница литературы задала ребятам сочинение на тему «Мой лучший друг».

Мадам Потсс протянула Рейчел тетрадь Роберта по литературе.

«Домашние задание, – прочитала Рейчел. – Сочинение на тему „Мой лучший друг“. Мой лучший друг – это смерть. Многие считают смерть очень печальным и грустным событием. Но я думаю, что это лучшее, что может произойти с человеком в его жизни. Смерть всегда преследует человека, а люди, которые забывают о ней, поступают глупо...»

Рейчел внимательно прочитала все, что написал Роберт. На ее лице не дрогнул ни один мускул. Она закрыла глаза и крепко сжала тонкую тетрадь в длинных пальцах. По щеке ее пробежала слеза.

– Вот еще, – мадам Потсс достала из ящика под столом еще одну тетрадь. – Это рабочая тетрадь Роберта. Преподаватель по математике взяла ее, как и тетради остальных ребят, на проверку. Вот что она обнаружила.

Мадам Потсс открыла задний форзац тетради и показала Рейчел. Обложка была исписана крупными словами.

– Что это? – спросила мама Роберта.

Мадам Потсс протянула ей тетрадь.

– Это написал ваш сын... Миссис Фаррел...

Казалось, Рейчел ее не слышала, точнее не могла услышать.

– Рейчел...

Она подняла глаза.

– Рейчел, если ты не сможешь справиться сама, позвони мне, и мы найдем для Роберта психолога. Управление образования обязано предоставить в таких случаях штатного детского психолога.

– Но... Роберт нормальный ребенок, – умоляющее сказала Рейчел.

– Роберт хороший ребенок, но с его психикой может происходить все, что угодно. Понять это сможет лишь только психолог. Быть может, это всего лишь небольшой срыв. Понаблюдай за ним. Посмотри его вещи, тетради, книги. Если найдешь еще что-то подобное, дай знать мне. Все это нужно показать психологу.

– Хорошо, мадам Потсс, – Рейчел чувствовала материнскую заботу рядом. Близко. Она исходила от этой женщины. Сейчас она показалась ей не такой жесткой. Рейчел поняла – она увидела настоящее лицо мадам Потсс. Это было лицо матери, которая испугалась за своего ребенка. – Спасибо, – сказала она и вышла за дверь.

Рейчел вернулась уже затемно.

Роберт спал в своей комнате. Она тихонько вошла, включила ночник, который стоял на столе, и стала осторожно перебирать тетради сына. Мальчик мирно спал, не заметив возвращения матери.

Она перевернула все рабочие дневники Роберта и учебники. Рейчел вытерла выступившие слезы и успокоилась. Это был лишь нервный срыв, фантазии ее мальчика, одновременные, неожиданные. Ничего страшного не произошло, все хорошо. Она умоляла, заставляла себя принять это спокойно. И винила, винила за невнимательность, за беспечность, называла себя плохой матерью. Она осыпала себя всеми ругательствами и не видела ничьей вины, кроме своей.

Вдруг в руки ей попала зеленая тетрадь. Рейчел увидела знакомый почерк.

Она боялась переворачивать страницу. Но сделала это.

Слезы хлынули из глаз. Рейчел зарыдала, не сдержала вскрика.

Она схватила тетрадь и бросилась из комнаты, чтобы не разбудить сына. Женщина добралась до кухни, оперлась спиной о холодильник и съехала вниз по нему, сбивая разноцветные магнитики. Казалось, вся тяжесть мира обрушилась на нее. Грудь и спину обьяла неимоверная слабость, которой раньше она не испытывала.

– Ты заберешь ее, мама? – услышала она за дверях кухни.

– Да, сынок, я заберу ее, – сказала она, утерев слезы.

– Я не хотел делать тебе больно...

– Ты ничего не сделал, все хорошо. Ложись спать.

– Тогда зачем ты забираешь ее у меня? – пролепетал мальчик.

– Понимаешь, милый, в жизни есть вещи... – она задумалась, – от которых стоит держаться подальше. И мы должны ограждать друг друга от таких вещей, чтобы всем нам было хорошо. Засыпай.

Прежде чем Рейчел закрыла дверь, Роберт сказал:

– Это сказал мне дедушка.

Больше Роберт никогда не видел своих записей. В школе на него навесили ярлык «ребенок с особенностями в развитии».

О том, что мама не сожгла, не изрезала, не порвала эту тетрадь, он узнал только спустя несколько лет. Рейчел так и не смогла уничтожить слова своего отца или тем более отдать их на растерзание психологу. Где-то в глубине души, интуитивным чувством, на которое способны только женщины, особенно матери, она поняла, что этот разговор касается только внука и деда. Она спрятала тетрадь, уповая: когда Роберт повзрослеет, он сам разберется, как с ней поступить.

С тех пор прошло тринадцать лет.

Мучительное эссе Роберта Фаррела «Я – Кафка»

Писатель – не человек, субстанция, которая призвана впитывать все, что неспособны впитать окружающие. Вся боль, радость и страдания, которые отскакивают, как лучи света от зеркала чувств обыденного человека, вынужден впитывать писатель.

Неназванный глашатай времени. Они читают книги и думают, что все написанное – плод фантазии автора. Вы сами породили этот мир, глупцы! Писатель лишь кровью отхаркивает его на бумагу, корчась в ужасающих спазмах.

Каждый писатель создает себе тот мир, в котором он хочет себя видеть; тот мир, в котором он живет. Если обыденный человек принимает, хочет он того или нет, придуманный художником мир, то писатель моделирует свой собственный.

Блажен тот, кто увяз в детективах и дешевых романах!

Мой мир рожден из сгустка боли, клубка отчаяния. Как голый ощущает конец мира в толпе одетых людей, так и я мечусь в пределах своей черной комнаты, пытаюсь разорвать мир, рожденный мной поневоле.

Как избавиться от него, не уничтожив, не предав весь смысл собственной жизни? Когда наступают моменты просветления, и кажется, что симптомы начинают отступать, я, как капризный ребенок, испугавшись, что его родители не шутят и вот-вот оставят его одного на улице, когда он не хочет возвращаться домой, бегу, рыдая и всхлипывая, в объятия своего выдуманного мира, чтобы спрятать свои мечты и страхи за его мучительную заботу.

Каждый писатель сам создает в себе тот мир, который он хочет любить и ненавидеть.

Люди называют это ощущением жизни.

Они говорят: он просто чувствовал несовершенство этого мира.

Они говорят: его внутренний мир был основан на переживании своей несостоятельности, на детской психологической травме. Когда он был маленьким, отношения в семье складывались не лучшим образом. Отец бил мать, которая прибежала заплаканная в детскую комнату, где юный гений собирал свои пирамидки и не мог понять, почему его мама плачет, а отец кричит так громко.

Но подсознательно, говорят они, где-то глубоко в его корневой системе мозга откладывалось это чувство страдания, которое со временем эволюционировало и росло. Как раковая опухоль, разрасталось, впитывая несовершенство этого окружающего мира, и жизнерадостный ребенок начинает расти молчаливым и угрюмым юношей, наблюдая жизнь и себя.

Они говорят, его судьба была нелегкой. И вроде бы все становится ясно. Еще одна жертва своего безумия.

Тут стоит покачать головой и с умным видом сказать: «Да, да, да». Жалкие убудки.

А потом происходит раздвоение личности. На того, кем он должен стать – кем его хотят видеть родители и общество, и того, кто он есть на самом деле.

Но они скажут – это пройдет.

А потом приходят слова. Они начинают складываться во фразы и предложения. Его мир проснулся. Замкнулся на самом себе. И уже не понять – он жертва или пленник, спасенный или проклятый...

Слова начинают заполнять этот мир. Мысли разбухают, как дерево от воды, большие деревянные клинья, способные расщепить основание пирамид.

Давление заставляет провисать туго натянутую веревку самообладания и контроля. То, что ты называл своей личностью, собой, теперь не дает тебе покоя и просится наружу.

Ты складываешь слова. Рамки и символы слов, которые придумали люди – семь чувств, заключенные в клетку из букв; пять состояний человеческого настроения, втиснутые в шрифт; семь грехов, униженные звуками произношения.

Слова тебя не устраивают. Одинокие буйки с названиями не помогут морскому путнику выжить в жестоком океане. Нет курса. Нет глубины. Нет расположения рифов. Незвестность = Свобода.

Разум, запертый значением слов.

Чтобы освободить свой разум, писателю нужны спонтанные, гениальные сочетания значений. Чтобы мысль за мыслью он мог ослабить напор бушующего в голове сознания.

Писатель придумывает мир, который придумал его...

Все, что он хочет найти – это примирение. Заключить сепаратный мир с самим собой.

Все, к чему он стремится – это согласие. Разрешить бесконечный конфликт с окружающим миром.

Стать частью его и проклясть.

Потому что настоящий мир был-таки внутри него.

Познать самого себя невозможно. Никто не сможет подтвердить, правильно твое суждение или нет. Нет точки отсчета. Их тысячи и миллионы. Единственное, на что ты способен – раз за разом утверждать в себе конфликты. Ты можешь говорить себе: я плохой или добрый. Но даже тогда познание сыграет с тобой злую шутку, и каждая твоя победа будет лишь очередным поражением, очередным этапом бесконечной войны с самим собой.

И ты будешь бесконечно хоронить свои мысли, потому что они обладают небольшим облегчением, которое говорит тебе: ты идешь верным направлением.

И в конце концов ты придешь к выводу, что единственно верный способ познания – это самоубийство.

Смятение Эли Криг

Когда Эли Криг получала от него сообщения, она не понимала, зачем вообще писать подобные вещи. Девушка была знакома с этим парнем всего пару недель. Они даже не встречались друг с другом, если не считать нескольких фотографий, которые, впрочем, плохо передают черты человеческого лица, оставляя их застывшими в мгновении. Очень часто его слова пугали Эли, уж больно они были жестки и искренни. Девушка не могла понять источника его эмоций, причину. Да и зачем вообще говорить незнакомому человеку слова своей скорби и ненависти. Однако вместе со страхом и непониманием к ней приходило чувство призрачного влечения, которое она до конца пока не осознавала.

Она ощущала силу в его словах, вызов, свидетелем которого ей приходилось быть. Он сказал, что его зовут Роберт, написав, что хочет с ней познакомиться. Подойди к ней незнакомец с таким предложением на улице, она бы нашлась что сказать в ответ и отцепить от себя назойливого молодого человека. Но здесь в ней сыграло самолюбие, и Эли приняла условия ни к чему не обязывающего общения, тем более что сейчас все ее друзья по переписке молчали или отписывались фразами вроде «Как дела?».

Эли терпеть не могла это выражение, хотя иногда не брезговала воспользоваться расхожей формулой бесполезно скучающего человека в поисках легкого общения.

«Иногда и незнакомцы могут стать хорошими друзьями», – написал он ей. Эли не сразу нашлась что ответить на такое заявление, которое повергло ее в некое недоумение. Не заявляет ли этот человек о серьезных отношениях? Его фраза ломала все привычные рамки сетевого разговора.

Эли Криг была обычной девушкой. Пятый курс института заставлял ее проводить время за написанием дипломной работы. Все, что было до этого, казалось быстрым сном, и мелькающие на горизонте перспективы заставляли бегать мурашки по теплым участкам ее тела.

Роберт сам вошел с ней в контакт, поэтому Эли не придавала особого значения этому общению. Просто еще один знакомый. Как и большинство ее сверстников, она не понимала, что происходит вокруг нее, или не хотела понимать. Жизнь шла своим чередом, и все, что она могла ответить на замысловатые сообщения Роберта, пропитанные рефлексией, так это обычные рядовые фразы, которые могли поддержать разговор, ведущий, как ей казалось, в никуда.

Эли была не из тех девушек, которые любят ввязываться в сомнительные авантюры. Она чувствовала на себе давление своих родителей и не сопротивлялась этому, считая, что так оно и должно быть. У нее был постоянный молодой человек, который устраивал ее во многих вещах. Может быть, говорила себе Эли, она когда-нибудь выйдет за него замуж, если, конечно, не встретит никого получше. Несколько подруг, с которыми можно было обсудить последние новости в университетской группе. С некоторыми даже поболтать по душам, сидя вечером в кафе за приятным мартини. Родители обещали на отличную защиту диплома подарить ей машину. Это будет подержанный желтый «опель», мечтала она. Ездить на метро ей порядком надоело. Преподаватели хвалили ее усидчивость и старательность. Сам факт наличия всех этих атрибутов жизни говорил ей, что она вполне самостоятельная девушка. Даже, может быть, вызывает некоторую зависть у своих подруг и знакомых.

«Такой способ общения – хорошая возможность вспомнить, а кем же мы были раньше», – писал ей Роберт.

Когда он говорил, что хочет увидеть смерть рядом с собой, чью-то смерть, не из чувства кровожадности, чтобы ощутить еще неизведанное чувство, «чувство приближения к запретной черте», как писал он, Эли не могла понять его мотивации. «Да, наверное, страшно и противно», – отвечала она, чтобы хоть как-то поддержать их разговор.

Потом он написал, что ему это удалось, и стал передавать свои впечатления от увиденного. Эли стало немного не по себе. Роберт не скупился на слова, не упустил ни одной мелочи. Было заметно, как он увлечен своим рассказом. Тогда Эли немного обиделась, потому что он не подумал о ней. Она вообще воспринимала все это как слова. Общение – это только слова. Эли знала это. Слова, чтобы заполнить вакуум времени. Слова, чтобы опустошить эмоции, которые накопились от однообразия жизни. Слова, чтобы поднять себе настроение.

Ни больше. Ни меньше.

Эли Криг не могла помочь человеку на другом конце Вселенной. Не потому, что была бессильна. Потому, что даже не пыталась. «Улыбайся жизни, и жизнь улыбнется тебе!» – писала она Роберту. Или: «Жизнь – это чередование черной и белой полос. Если сегодня плохо, значит, завтра будет хорошо». Она не знала, верит ли сама в эти слова. Она даже не задумывалась над этим.

У нее и так было много проблем: подходят сроки сдачи дипломной работы, родители насели на плечи с замужеством, осталась пара академических долгов за прошлые сессии, подруга клеит ее молодого человека...

Роберт всегда «стучал» в ее мессенджер сам. Он мало рассказывал о себе. Эли и не интересовалась. Ей было скучно и лениво утомлять себя новым подробностями из чужой жизни. Роберт же всегда говорил о таких вещах, надо которыми Эли и не задумывалась.

Эли Криг была обычной девушкой. В меру симпатичной и приятной. Такие нравятся парням. Будь девушка слишком красивой или умной, они чувствовали бы себя неуверенно. Поэтому у Эли Криг не было проблем с противоположным полом.

Они общались с Робертом уже несколько месяцев.

А потом он исчез. Не писал около трех дней. Эли почти не заметила его исчезновения. Она не знала, что Роберту нужно было кому-то доверить свои мысли, которые разрывали его изнутри, не давали спать. Эли не знала, что ему хотелось хоть кого-то спасти от этой будничной жизни, когда спасать нужно было его самого. Она не знала, что Роберт не смог пройти мимо ее улыбающегося лица на аватарке и тоскливых глаз. Эли не знала, что он взял на себя невыполнимую задачу.

Он никогда не говорил ей об этом.

Он исчез. Не писал около трех дней. А потом по местным каналам показали мальчика – парня двадцати трех лет, который написал книгу, эпилогом которой оставил собственное самоубийство. Он назвал ее «Мы умрем молодыми»: «Книга, где он похоронил все свои искания и откровения, все свои мысли, которые не давали ему покоя, которые сделали его неспособным жить», – говорил корреспондент местного телеканала в кадре.

Мысли, которые он пытался доверить Эли Криг.

Из репортажа она узнала, что мальчика зовут Роберт, но до последнего мгновения не верила, что это тот самый Роберт, который писал ей все это время. Он не оставил никакой записки, где бы писал, что никого не винил или наоборот. Он не произнес ни слова. Только книга, как последний приговор самому себе и жизни. Эли Криг пыталась писать ему, но ее собеседник не отвечал. Он был отключен.

Издатели мгновенно ухватились за сенсацию, и меньше чем через месяц, пока судьба мальчика была еще на языках у общественности, в продажу поступила книга Роберта Фаррела «Мы умрем молодыми». Посмертно.

Книга, финалом которой стало самоубийство.

Эли Криг горько плакала, когда читала книгу. Все боль и страх, все страдание и отчуждение – слова, которые не смогла понять и принять Эли Криг, были в книге. Все эти слова, которые отпружинили от повседневности Эли и с двойной силой страдания отозвались в Роберте. Все его надежды, которые Эли Криг приняла за обычный способ понравиться девушке по Сети с помощью умных фраз.

Теперь ей казалось, что весь мир обвиняет ее в смерти человека, хотя никто об этом даже не догадывался. Каждый рекламный плакат, каждое напоминание в СМИ о трагической книге, каждый разговор своих друзей о новом бестселлере она воспринимала как упрек. Как приговор ее повседневной отстраненности. Как порицание ее беспечности.

Никто не сказал ей это в лицо, потому что никто не знал.

Но на лицах случайных прохожих было написано, как они ее ненавидят.

Книга разошлась многотысячным тиражом уже в первый месяц. Всем хотелось узнать, что же чувствовал человек перед самоубийством. Любопытно. Ничего личного.

Успех продаж дал возможность репортерам еще раз вспомнить о судьбе Роберта Фаррела.

Отчуждение Майка Брауна

Кофе сварился быстро.

Чтобы чего-то добиться в этой жизни, говорил его друг, нужно обязательно с утра выпить чашку горячего крепкого кофе.

Кстати, Эшли, так звали друга Майка, уже позвонил.

Эшли любил приезжать на работу на двадцать минут раньше других. Эти двадцать минут спасают мне жизнь, говорил он, без гама коллег, без бесперебойного жужжания ксероксов и принтеров, в чистой тишине успеваешь сосредоточиться и выполнить пару дел, на которые в обычной рабочей обстановке у тебя уйдет около часа.

Эшли позвонил Майку, когда был в дороге. Он напомнил своему другу, что сегодня они принимают новый проект. Друзья работали в строительной фирме и занимались проектированием водопроводных коммуникаций. Именно Эшли привел Майка на эту работу. Он всегда, еще в университетской группе, отличался деловым характером и напористостью. Эшли умел находить выход из любой ситуации, на каждый случай у него находились свои варианты решения проблем.

Майк был благодарен своему другу и часто про себя думал, что Эшли стал ему старшим братом.

Кофе уже сварился. Майк подсыпал в миску кошки свежего корма, пока чашка с напитком остывала на столе.

Сейчас Майк старался полностью сосредоточиться на работе. Он не хотел подвести Эшли, тем более знал, что через пару лет его друг точно откроет собственную контору. Он не раз мечтал об этом за кружкой пива, поговаривая с Майком о своих планах. Иногда он сам не подозревал, что его мечтам, которые он больше поддерживает на словах, суждено сбыться в силу характера и натуры Эшли. Вот тогда ему потребуется надежный компаньон, проверенный делами и временем. А Майк всегда был рядом.

Кофе остывал.

Поэтому Майк уделял мало времени личной жизни, хотя Эшли не раз спрашивал его, почему Майк не найдет себе хорошую девушку. «Ты завидный парень с собственной квартирой, – говорил он, что мешает тебе завести роман с одной из наших проектировщиц или хотя бы с девушкой из бухгалтерского отдела?» Майк только усмехался словам Эшли, делая вид, что принимает сказанное за шутку.

Хотя Эшли был прав. Родители оставили Майку хорошую квартиру. Отец умер, еще когда Майк был ребенком. Он почти не помнил его, лишь остаточные детские воспоминания о мужчине, промелькнувшие в детском сознании: присутствие непонятого, расплывчатого мужчины. Мать редко рассказывала сыну об отце, да и сам Майк ее никогда не расспрашивал. Сразу же, как ему исполнился двадцать один год, его мать решила, что достаточно воспитала своего сына, и переехала к своему мужчине, предоставив Майку полную свободу и самостоятельность.

Каждую неделю он звонил ей на домашний номер. Обычно в пятницу, когда рабочая неделя закончена и было о чем поговорить. Иногда приезжал к ним в гости на выходных. Благо ее новый кавалер, с которым она жила уже пять лет, был хорошим малым. Знал, как поддержать разговор матери и сына, особо не влезая в их личные дела.

Кофе остывал на столе. Майк выполнил последние приготовления и взялся за чашку с напитком, чтобы, прихлебывая горячий эспрессо, в последний раз собраться с мыслями и прокрутить в голове список нужных вещей и документов, которые он должен положить в кейс.

Майк часто засиживался за работой дома. Иногда допоздна. Компьютер, который он с собой носил всегда и везде, хранил на своем жестком диске все необходимое для их с Эшли проектной деятельности. Разрабатывая очередной проект, Майк приходил с работы и еще пару часов отсиживал за своим компьютером, доводя некоторые моменты до ума.

Кофе был еще горяч, поэтому Майк обжег нёбо. Неприятно. Теперь будет ходить целый день с этим раздражающим, шелестящим чувством на языке. Он спокойно выругался, поставил чашку на стол и долил немного холодной кипяченой воды. Время поджимало.

Эшли сказал, что сегодня надел лиловый галстук. Майк выбрал темный. Однажды с другом они совершенно случайно пришли в офис в одинаковых рубашках и галстуках. Теперь в шутку Эшли предупреждал друга, какой гардероб будет сегодня на нем, чтобы вновь не попасть в комичное положение.

Майк допивал кофе. В кухню сонно вошла кошка Битси. Помурлыкав у ног хозяина, она направилась к полной миске сухого корма. Майк не стал брать ее на руки, чтобы не испачкать в шерсти пиджак. Он любил свою кошку и специально взял молодую девочку, чтобы разбавить квартиру женским обществом. Они быстро нашли общий язык. Под утро она любила спать у него на голове и лизала лицо языком. Единственная женщина, которая не сможет разбить ему сердце, в шутку думал Майк.

Пустая чашка осталась стоять на столе.

– Не шали тут без меня, – сказал Майк кошке Битси, накинул пальто, взял кейс с компьютером и вышел за дверь.

В квартире стало тихо. На стене отстукивали большие кварцевые часы. Капала вода в раковину, каждой каплей делая квартиру немного оживленнее звуком удара о металлическую раковину. Битси перестала хрустеть сухим кормом. Запрыгнув на стол, она стала слизывать спадающие с крана капли воды: Майк забыл налить ей воды в миску, хотя та предпочитала пить из раковины. Утолив жажду, кошка прошлась по кухонным столам, обнюхав еще не остывшую чашку из-под кофе, спрыгнула на паркет и направилась бродить по комнатам. Ей было немного скучно. Занавески подрагивали от ветра в форточку. Монитор телевизора не успел остыть, поэтому все еще притягивал к себе поднятую Битси пыль. Воздух стал постепенно успокаиваться. Битси забралась на кровать Майка и продолжила дремать. Вещи замерли и казались нелепыми и ненужными без своего хозяина.

– Я уже еду, Эш, – сказал Майк в трубку телефона, поднимаясь на эскалаторе к месту посадки в вагоны легкого метро.

Он жил на окраине города. Это был большой городской район, но все равно власти решили, что строительство подземки в эту часть города принесет много затрат бюджету, поэтому построили систему легкого метро, которая проходила на высоте десяти метров над землей. Майк каждый день совершал переезд по этой ветке, пересаживаясь потом на другие направления подземного метро.

Он любил наблюдать жизнь своего района с высоты нескольких метров. Наверное, только в эти моменты, думал он, ему удавалось отвлечься от мыслей о работе. Шум метро заглушал эти мысли, а маленькие вагоны поезда делали людей близкими и интересными. Майку нравилось рассматривать их, стоящих напротив или сбоку, отражающихся в окнах или сидящих рядом с ним. Иногда он ловил себя на мысли, что забывается и слишком настойчиво и упорно смотрит на человека, пока тот не начинал смущаться. Майку становилось стыдно.

Майк направился к платформе. Он встал ближе к солнечной стороне, сегодня утро было особенно теплым и спокойным. Поезд отъехал несколько мгновений назад. Следующий через пять минут. Майк знал, что эта пустота на перроне обманчива: не пройдет и пары минут, как он наполнится очередными ожидающими пассажирами.

Эшли прислал сообщение, что встретил шефа по дороге в офис. Ему, как обычно, повезло, подумал Майк: засветиться в такую рань перед начальством на работе – определенно

везение. «Настроение у шефа хорошее, – продолжал писать Эшли, – значит, наши проекты удачны. Приедешь, расскажу».

Позади послышался шум приближающегося поезда. Майк мгновенно переключился на него. Он не знал, почему на него именно так действует метро.

Поезд стремительно промчался мимо Майка, будто и не собираясь останавливаться, но постепенно замедлил ход и замер. Сзади столпилось много людей. Майк оказался первым в дверях. Створки разъехались. Кабина вагона почти пустовала. Это были крайние станции, а в такое время большинство едет в город на работу. Майк вошел первым. Он чувствовал, как толпа давит со спины. Свободных мест не было, поэтому он был вынужден пройти к противоположным дверям, взявшись за поручень. Рядом стояла молодая женщина, держа за руку девочку, в свободной руке которой был желтый шарик с улыбающимся смайликом. Это напомнило Майку его детские годы. Но поезд тронулся, и мысли его растворились в шуме двигателей.

Майк стал искать глазами знакомое лицо девушки, которое он часто замечал, когда ехал на работу. Ему нравилось всматриваться в лицо этой девушки, наблюдать за ней со стороны за каждым ее движением и мимикой, пытаться прочесть название книги, которую она держала в руках. Видимо, их графики работы и поездов совпадали.

Он просто смотрел на ее лицо и думал о чем-то своем. В эти моменты в его мыслях даже не всплывали слова Эшли, что ему нужно найти девушку. Чистое созерцание под укачивающее, успокаивающее движение вагонов. Его здесь не отвлекали сторонние разговоры пассажиров; утром люди едут молча, каждый в своих раздумьях, словно готовится принять приговор начинающегося дня, вымеряет, жестокий он или снисходительный.

Майк заочно знаком с этой девушкой вот уже несколько месяцев. Он даже не знает, как ее зовут. И если честно, говорит он себе, и не хочет знать. Тогда это лишает его прелести свободного созерцания, когда не нужно слов, не нужно приветствий, наигранных, дежурных фраз. Просто девушка.

Он так и не нашел ее глазами. Наверное, она вошла в другой вагон, подумал Майк. Он повернулся лицом к дверям. Слева девочка что-то говорила своей маме, которая в тесноте людей пыталась пригнуться, чтобы услышать свою дочь сквозь гул поезда. Она взяла руку своей дочери и положила на поручень, чтобы та держалась самостоятельно. В освободившуюся ладонь женщина взяла телефон. Девочка качало, и она постоянно терлась о кейс Майка.

Подъезжали к последней станции, после которой поезд уходит под землю, где пассажиры могут пересесть на обычное метро. Майк рассматривал планировку домов и фасадов. Отсюда сверху жизнь казалась немного другой.

Они притормаживали.

Чашка с кофе опрокинулась с края стола и разбилась.

Кто-то допустил ошибку.

Майк услышал под ногами громкий жесткий скрежет, словно что-то вонзилось в дно вагона или же днище прочертило по какой-то преграде. Поезд резко шатнуло в сторону, дернуло, еще раз. Кто-то сзади вскрикнул и схватился за пальто Майка, чтобы удержать равновесие.

Вагон качнуло еще раз. Открылись внешние двери, выходящие на пути. Майк едва устоял на ногах. Он смотрел куда-то вдаль, пока его не придавил к полу тонкий вскрик откуда-то снизу, а затем громкий, продолжительный прямо на ухо. Это еще сильнее рассредоточило его в пространстве. Что-то ударилось об его кейс. Майк не выпустил его из рук. Он видел, как девочка перегнулась наружу, еще пытаясь сбалансировать в последний раз. Все происходило слишком быстро, чтобы что-то понять. Майк протянул свободную руку к ней, но уже не успел схватить. Крик прямо в голову еще сильнее придавил его.

Он видел, как девочка выпала из вагона. Он уже не слышал ее вскриков: все потонуло в крике матери. Девочка упала на края оградительных решеток, но не смогла задержаться

на них и стала падать дальше на проезжую часть, которая проходила под линиями легкого метро. Ее тело скрылось из виду.

Темные зрачки Майка залили глаза. Он смотрел вниз не моргая, пока двери не захлопнулись в аварийном режиме. Он стоял молча, недвижим. Рядом женщина в истерике колотилась руками о закрывшиеся двери, пока не обессилела и, рыдая, не сползла на пол.

Позади него кто-то надрывно плакал, пережив этот ужас. А кто-то так и не понял, что произошло.

В тот день он не попал на работу.

Он сидел на перроне и смотрел в сторону. Многие еще оставались в глубоком шоке. Кто-то не уходил из-за интереса. Девочку и ее мать увезли на «скорой». Майк помнил, что тогда на перроне рядом с ним лежал его кейс.

К нему подошла девушка. Она спросила, нужна ли ему помощь. Майк молчал. Девушка присела на корточки перед Майком, положила руку ему на плечо, попыталась заглянуть в глаза и еще раз спросила, нужна ли ему помощь.

Он немного пришел в себя и только теперь заметил, что перед ним была та самая девушка, которую он каждый день искал взглядом в толпе пассажиров. Она все-таки ехала с ним в одном поезде. О Боже, подумал он, она видела все это. Но девушка выглядела спокойно. Она пыталась всмотреться в его глаза, сейчас они были большими и красивыми, но все еще смотрели в пустоту.

– Все в порядке? – спросила она.

Майк не сразу ответил.

– С вами все в порядке?

Майк наконец посмотрел ей в глаза. Казалось, они только и ждали этого ответного проникновения. Немного худое светлое лицо с прямыми недлинными прядями. Можно было подумать, что эта девушка француженка. Ее детские черты казались такими взрослыми – только француженки могли иметь столь контрастную и мягкую внешность. Ни единой жесткой эмоции, лишь желание помочь и немного растерянности. Майк поймал себя на ужасающей мысли, что теперь его заботит не сам факт случившегося, а как этот факт отразился на этой девушке. Что, если теперь она ненавидит его за это и подошла лишь с тем, чтобы засвидетельствовать свое презрение и еще раз убедиться, как же он жалок. А возможно, все по-другому. Возможно, она действительно жалеет его, потому что понимает, что пришлось ему испытать и как сейчас самые противоречивые чувства борются в его душе, пытаются склонить друг друга то на одну, то на другую сторону преобладания, и полей битвы они выбрали его.

Но усталость ненадолго покинула его.

– Я хотел с вами познакомиться, – сказал он и продолжал смотреть прямо на нее, пока не отвел взгляд в сторону.

Почему-то в этот момент она почувствовала обреченность в его словах. Словно конец. Но он был искренним. Она встала, а Майк продолжал сидеть на голом бетонном полу, пока его не сопроводили сотрудники «скорой помощи». Девушка спросила у медбрата, в какую из клиник его отвезут.

В больнице его не задержали надолго. Дали успокоительное и поинтересовались, нужна ли ему психологическая помощь. Майк отвечал односложно; его слова были пусты, без эмоций, без чувств. Все это время он продолжал смотреть куда-то в пространство. Ему казалось, что девочка еще падает, и этому нет конца. Немая картинка стояла перед глазами. Хотя бы звук, отрывок крика. Лишь гул метро, и ничего больше.

В больнице ему выписали успокоительное и отправили домой. Никто не стал уделять внимания Майку больше, чем положено. Никто не задумывался, как в таком состоянии он попадет домой.

Успокоительное начало действовать. Оно отгоняло его от мыслей. Майк расписался в регистрационном листе, вышел на улицу и поймал такси. Погода немного испортилась, и уже начал накрапывать теплый дождь. Только теперь, когда успокоительное полностью растворилось в нем, он вспомнил, что сейчас должен быть на работе. Телефон не звонил, и руки были свободны. Майк стоял у машины и смотрел на свои ладони – они были пусты. Эшли, наверное, уже обыскался его.

Майк назвал адрес и растворился в дороге.

Он не знал, что будет делать дома. Сейчас его ничего не волновало и не тревожило. Лишь необыкновенное ощущение в левой руке. Девочка продолжала падать. Сон накатывал мощной волной еще в машине. Он упал на кровать, не заметив Битси, и вырубился на несколько часов.

Битси побежала на кухню и стала обнюхивать осколки разбитой чашки на полу, одергивая мордочку, когда нос натыкался на острое.

Вот уже несколько дней Майк не появлялся на работе. Эшли не мог до него дозвониться: мобильный был недоступен, а домашний не отвечал. Сначала он думал, что Майк немного приболел, но друг предупредил бы его. Свободного времени совсем не было, однако с этим нужно было что-то решать.

Когда Эшли позвонил в дверь квартиры своего друга, никто ему не открыл. Был уже вечер, поэтому Эшли зашел к соседям и спросил, не видели ли они Майка. Те ответили, что не встречали его уже несколько дней. Он попросил запасной ключ, который Майк оставлял у них. Они знали Эшли, поэтому отдали ключ без проблем. Я не могу его найти, телефон не отвечает, говорил он им. Соседи предположили, что Майк уехал к родителям. Вряд ли, подумал про себя Эшли.

Он поблагодарил их за ключи и направился к двери Майка. Единственное, чего боялся Эшли, это что обнаружит труп своего друга в квартире. Хотя с чего бы это. Вдруг с Майком произошел несчастный случай, он уронил ноутбук в ванну или забыл выключить газ и задохнулся. Правда, в этом случае соседи уже давно бы заметили неладное. Если так, у него появится много хлопот, а сейчас времени и так мало, надвигаются новые проекты. Он долго принюхивался к запахам из дверей, тело должно было уже издавать вонь при такой температуре, сделал еще несколько звонков в дверь, прежде чем заходить, и стал прислушиваться. Ничего.

Собравшись с духом, он вставил ключ в замочную скважину и повернул.

Эшли нашел своего друга в абсолютно пустой комнате. Он сидел на полу, поджав к себе колени, которые обхватил руками, и смотрел в одну точку. Пустота озадачила Эшли, поэтому все его домыслы по поводу исчезновения Майка сразу испарились, и он даже забыл спросить, почему Майк не открывал дверь. Майк не среагировал на приход Эшли. Он продолжал смотреть. Теперь его взгляд не был пустым. Он о чем-то думал. И было видно, что размышления эти причиняют ему боль своей неразрешимостью.

Майк искал ответы.

Эшли остановился в дверях. Он растерялся.

– Где вся мебель, Майк? Что происходит? Ты не был на работе уже несколько дней! – Вид у Майка был потрепанный и уставший. – Что случилось? Я не понимаю!

Эшли продолжал стоять в дверях. Он почувствовал, как Битси трется об его ноги. Эшли заметил, что Майк смотрит в одну точку. Этой точкой была дверь, ведущая в другую комнату. Будто именно сейчас что-то очень страшное и ужасное, должно вырваться из этих дверей и наброситься на Майка. Или там созревала какой-то заговор против него, кто-то плел свои козни, пытаясь окутать его пеленой страха и сомнения.

– Майк, – наконец Эшли вышел из ступора, – почему твоя комната пуста?

– Я убил ее, Эшли, – он посмотрел в глаза другу. Эшли стало не по себе, потому что глаза Майка не лгали. Он отшатнулся.

– Кого ты убил?

– Я убил эту девочку. Я мог ее спасти. Но я не отпустил кейс. Я продолжал держать этот чертов кейс в руке. Если бы я бросил его, то успел бы схватить ее! – Майк начинал горячиться. – Я успел бы схватить ее, ты понимаешь? Ничего бы этого не было. Но я не смог отпустить этот кейс. Мой компьютер мог разбиться. Я испугался за него. Я не смог отпустить этот кейс. Это я убил ее, я убил эту девочку, Эшли.

Эшли вспомнил о несчастном случае по вине машиниста. Бедняга пытался покончить жизнь самоубийством, не выдержав муки совести и огласки дела. Эшли читал об этом в газетах и смотрел репортаж по телевидению. «Одно неверное движение руки стало роковой неожиданностью для многих, кто был свидетелем несчастного случая, – говорила корреспондентка, стоя на платформе. – Очевидцы до сих пор не могут выйти из шока, а для молодой девушки двадцати пяти лет, которая работала учительницей в школе, произошедшее стало личной трагедией...» – здесь Эшли отошел от экрана.

Он и не предполагал, что Майк был в этом поезде, да еще видел все собственными глазами.

– Это был несчастный случай. Все произошло по вине машиниста.

– Я оценил свой кейс дороже жизни этой девочки. Я не мог допустить, чтобы он разбился. Мгновения хватило вынести приговор и ей... и себе!

– Ты ничего не мог поделаться, Майк!

– Мы потеряли наши жизни, Эшли. Мы подменили себя, стали одноразовыми и комфортными. Мы быстро приготавливаемся и долго сохраняем нужные нам свойства.

Эшли смотрел на друга, то по сторонам, то снова на друга. Слова Майка не доходили до него.

– Мы забыли себя. Стали компактными и складными, легкими и переносными. Мы променяли себя в акции на скидку в десять процентов. Мы предали себя, Эшли, предали за дисконтную карту в магазине импортных вещей.

– Что ты несешь? Где вся твоя мебель? – Эшли начинал злиться на отрешенность Майка. Он пошел по направлению его взгляда и открыл дверь и наткнулся на комод, который был прижат вплотную к порогу и преграждал ему путь. Комната была завалена вещами из квартиры Майка. Он распахнул дверь и услышал стоны за своей спиной. Майк закрыл глаза и сильнее поджал колени к себе. Его друг выпустил ужас. Он расслабился только тогда, когда Эшли прикрыл дверь.

– Что за кавардак у тебя в комнате?

Майк не ответил.

По его бледному лицу было видно, что он уже пару дней ничего не ел. Эшли не знал, что сделать. Он пошел на кухню. Здесь мебель еще стояла. Видимо Майк еще не добрался до сюда. Или просто побоялся зайти. Битси крутилась у ног Эшли. Он открыл дверцу холодильника: полки были уставлены продуктами.

Эшли насыпал кошке корма под благодарное урчание. Он заметил осколки разбитой чашки на полу, взял веник, стоящий под раковиной, и смел их в мусорную корзину.

Эшли вернулся к Майку.

– Пожалуйста, успокойся и приведи себя в порядок, – скомандовал Эшли. Он поставил на пол перед Майком бутылку с успокоительным, которое нашел у него в холодильнике. – Вот. Завтра ты мне нужен на работе, у нас много дел.

Эшли ушел, а его друг так и не появился на работе.

Девочка продолжала падать.

Казалось, что из комнаты доносятся звуки шепота. Майк мог находиться только в пустом помещении, где не было никаких ассоциаций и связей. Здесь его разум мог говорить сам

за себя. Если вообще имелась эта «самость». Здесь он мог не ассоциировать себя ни с чем. Голые стены его души. Он сидел в пустой комнате и смотрел на себя – свободного, разумного, но загнанного и усталого. Хоть он и был в своей выдуманной пустыне, но стоит ему выйти за порог, как вещи вновь поглотят его, и от того Майка, каким он стал, не останется ровным счетом ничего.

Ему снился сон, в котором за ним гнался чудовищный кейс, готовый проглотить хищной пастью и перемолоть. Он видел, как кейс пожирает галлоны людей и выплевывает то, что от них осталось. Эти остаточные люди ходят по земле, строят дома и живут в них. А когда у них появляются дети, они скармливают их кейсу, как верховному божеству древних племен, и начинают растить остатки, которые он выплевывает.

Майк вспомнил, зачем он завел себе кошку. По сути, думал он, Битси такая же вещь, которая пытается сказать что-то обо мне; я и животных-то не люблю, но, когда ко мне приходили гости, они первым делом обращали внимание на нее. Кошка разгуливала по квартире, все настойчивее приставая к Майку с учетом того, что каждый день она становилась все голодней. Битси недоверчиво ласкалась об Майка и постоянно обнюхивала пустующую комнату, особенно то место, где раньше стояла кровать, а сейчас лежал лишь надувной матрац.

Он постоянно выгонял ее за порог, но Битси, не привыкшая к дикой жизни, возвращалась домой. Майк боялся выходить на улицу, но так продолжаться больше не могло. Он не мог стерпеть еще один день, напоминающий о том, каким он был. Прошлая жизнь в лице кошки Битси так и норовила наброситься на него, как на непослушного раба, сбежавшего из стен своей темницы.

Майк дождался ночи. На ум пришла поговорка: «В ночи все кошки серы». Он оторвал от матраца большой кусок ткани, чтобы его можно было свернуть в куль, нашел веревку и пошел ловить кошку. Это не составило большого труда.

Голодная Битси прибежала на зов своего хозяина почти моментально. Ничего не подозревающие большие глаза смотрели на Майка. Он старался не реагировать. Изящное, уже похудевшее тело кошки провисло в руках Майка, когда он поднял ее под ребра. Майк завернул Битси в куль и перетянул его сверху веревкой. Кошка почти не шевелилась в складках ткани.

Майк открыл дверь. В коридоре было пусто. Еще раз в мыслях он провернул план действий и маршрут – до ближайшего парка, где есть водоем, было недалеко. Майк взял куль и вышел за дверь. Он был почти уверен, что никого не встретит.

Куль не был тяжелым и неудобным. Он прижал его к груди не столько из-за того, что так было удобней нести, кошка постоянно ворочалась внутри, сколько из-за того, что понимал – он несет живое существо. Майк знал, что с прижатым к груди мешком вызовет у встречного подозрения, но не прекращал поглаживать Битси через ткань и говорить ей слова утешения, перед смертью даже кошки заслуживают ласкового обращения.

В коридоре было темно. Он быстро спустился по лестнице и скрылся в темноте. Никого не было, лишь вдали виднелись гуляющие парочки.

Майк представил, что сейчас должна чувствовать Битси. Мрак накрыл еще до того, как наступила смерть, и этот момент между жизнью и смертью, момент мрачной пустоты, когда не знаешь, что сулят тебе эти неожиданные сумерки, когда окутан темнотой и понимаешь, что что-то происходит, но не знаешь, что этот момент ужаснее и безжалостнее самой смерти. Ты вроде бы уже умер, но еще жив. Майк чувствовал себя чудовищем, но понимал, что пути назад нет.

К счастью на водоеме никого не было. Он нашел большой камень рядом с разрушенным зданием старой лодочной базы и затянул оставшийся конец веревки крест-накрест вокруг булыжника. Он был чуть меньше ворочавшегося пищашего кулька.

И словно сквозь мрак наступило прозрение. Битси начала истошно мяукать и царапаться о ткань. Бесформенный кулек пришел в неистовство.

– Тише, Битси, тише, – говорил Майк и чувствовал, как его сердце обливается кровью, но руки машинально делали то, что должны делать. Он взял куль в одну руку, в другую приготовленный булыжник и подошел к глади воды, где берег резко уходил вниз. Вода была темна и спокойна.

Майк знал, что нужно делать это без мыслей. Это просто движения, сокращения мышц и только. Он отбросил все, что знал и имел, чем был и чем никогда не станет. Взмах, и звук всплеска воды выдал Майка тишине.

Эти движения оказались очень легки.

Когда круги на водной глади разошлись, осталась только пустота.

Воображение сыграло с ним злую шутку, как будто мстило. Стоя на берегу и глядя на воду, Майк представлял каждую мелочь в том, что сейчас происходит с Битси.

Девочка продолжала падать.

«Не разбив яиц, омлет не приготовишь», – пришла на ум фраза из фильма, но показалась бессмысленной и ничего не изменила, ровным счетом ничего.

По дороге домой Майк расплакался. Не жалость к Битси вызвала у него слезы. Майк смоделировал в точности все, что должна была ощутить Битси, даже после погружения под воду. В Майке-человеке этот ужас вызвал слезы отчуждения.

Барахтающийся куль уходил под воду, влекомый равнодушным камнем. Нет места воздуху. Нет места спасению. Здесь не живут крики или возгласы, здесь одиноко и тоскливо. Здесь ты захлебнешься своими мыслями и фразами прежде, чем погрузишься на дно, и густой ил примет тебя в свои объятия, продолжая петь свою густую песню торжества.

Ночь поглотила его. Вернувшись домой, он моментально заснул, не в силах больше терпеть этот мир.

Майка поместили в клинику после того, как он начал выбрасывать вещи с балкона квартиры, расположенной на двенадцатом этаже. Одна за другой вещи пролетали десятки метров в свободном пространстве, заканчивая свой путь на тротуаре или проезжей части. Ему повезло, что падение первой вещи не убила прохожего, ничего не подозревающего о приближающейся опасности.

Майк с криком и явным удовлетворением скидывал вниз нажитый за несколько лет гардероб, мебель и бытовую технику. Однако делал он это не от помешательства. Он понимал, что даже если отгородился от вещей в своей квартире, то это не означало, что они потеряли над ним власть. Он не мог покинуть свое жилище, за его пределами были вещи. Для Майка оставался лишь один выход. Ему нужно было место, где все фальшивое потеряет свою кажущуюся ценность.

Чтобы попасть в тюрьму, нужно было совершить что-то злодейское, но Майк не хотел причинять кому бы то ни было боль, поэтому оставался лишь один выход. Если он не может изолироваться от общества, то общество должно изолировать его.

Он фантастически сыграл свою роль. Парящие в воздухе осколки разорванной одежды, разбивающиеся вдребезги мониторы телевизоров, поломанная деревянная мебель от ударов о жесткий асфальт, крики ненависти и явного безумия – соседям не нужно было долго обдумывать свои действия, чтобы позвонить в полицию, которая передала молодого человека в руки психиатров, а те признали его невменяемым и определили в клинику для душевнобольных.

Все так просто.

Сейчас у него отдельная комната с мягкими стенами, обитыми кожзаменителем, под которым поролон, тумбочка и кровать. Теперь он проводит все свое время в глубоких раздумьях, ища смысл своего существования. Иногда по ночам я слышу его стоны во сне, наверное, ему все еще снится Битси, а может быть, еще что-то похуже.

Но история Майка не закончилась так просто.

На следующий день после того, как он расправился с Битси, в его квартире раздался звонок. Майк понял, что это не Эшли, у которого, впрочем, и были ключи, но он не появлялся уже пару недель. Майк так и не видел его больше после того разговора. Эшли не навестил его даже в клинике. Это не могла быть его мама. Майк насторожился и хотел отлежаться на своем матрасе, молчанием показав незваному гостю, что дома никого нет. Но пришедший оказался настойчивым, видимо подозревая об усталости Майка.

В первый раз он так и не открыл.

Не открыл и во второй. Гость захаживал к нему каждый день и настойчиво стучал и звонил в дверь по несколько минут, иногда даже утром и вечером. Майк не хотел подходить к глазку, потому что его пугала эта видимость. Вдруг он увидит там что-то ужасное. Кто это мог быть? Неизвестно!

Но однажды он все-таки посмотрел в глазок. Видимо, это и подтолкнуло его искать убежища. То, что он увидел там, вернее кого он увидел там, заставило Майка решиться на спасительный шаг. Пойти на сговор с самим собой, обмануть так легко обманывающееся общество. Это как добровольно отдаться в руки правосудию. С каждым пойманным сумасшедшим общество чувствует эффективность своей системы, поэтому с легкостью идет на погрешности и неточности, иногда оставляя этот метод единственно спасительным для своей репутации. Это и сыграло на руку Майку.

Майк заглянул в глазок. Он увидел по ту сторону двери ту самую девушку. Она пришла сама. Она записала номер клиники, в которую его увезли после того случая, и в регистратуре узнала все данные Майка и его адрес.

Майк не понимал, зачем она это делает. Ведь не потому, что он ей понравился. Здесь было что-то другое. Но даже не этот вопрос беспокоил его больше всего в тот момент. Майк знал, что открой он сейчас дверь, и это может привести к трагедии, к той трагедии, которая произошла с Битси. Ведь девочка все еще продолжала падать.

Решив вопрос со своим исчезновением, Майк принялся искать разгадку загадочного появления девушки перед своей дверью.

Смятение Эли Криг

– Налей мне вина, – сказала Эли бармену.

Он с трудом понял. Диджей повысил громкость музыки на несколько децибел. Наступала полночь. Зал заполнялся людьми, мерно покачивающимися в такт мелодии. На малых сценах выступали полуголые девушки, стараясь придать своим движениям шарм и блеск, как в тех столичных клубах, которые показывают по телевизору. Рядом с каждой из них стоял серьезный охранник, отпугивая выпивших посетителей от аппетитных телес танцовщиц.

Бармен налил вина.

Эли не хотелось вступать в эту толпу. Как ни звал ее Эрик, она осталась сидеть возле барной стойки. Первый бокал вина приглушил мысли. Громкая музыка, сотрясая стены и барабанные перепонки, не давала им пробраться в сознание.

Раньше Эли любила этот клуб. Каждый субботний вечер он помогал расслабиться, отрешиться от будничных проблем, от университета, словно густая атмосфера этого места ставила заслон перед всем, о чем приходится думать вечерами. Нет, танцевать Эли не любила. Она могла позволить своему телу только покачиваться в ритм или отбивать его носком ступни.

Но сегодня не хотелось делать даже этого. Эли не чувствовала ритм.

Точнее, ей не хотелось отдаваться ему, как не хочет отдаваться девушка изменившему ей суженому.

Ей стало тепло от второго бокала вина. Мне нужен третий, подумала она и полезла в сумочку за деньгами. В кошельке оставалось только на такси до дома. Черт, придется взять у Эрика, выругалась про себя Эли.

Она отставила бокал поближе к бармену. Встала с высокого стула и стала пробираться через затемненные тела к центру зала, где танцевал Эрик. Эли пришла сюда вместе с подругой. С ней-то и танцевал Эрик, в то время как она старалась расслабиться у стойки бара.

– Дай мне денег! У меня только на такси осталось! – прокричала Эли в ухо Эрика.

Он разомкнул объятия на подруге от неожиданного появления своей девушки и, растерянный, быстро полез по карманам.

Эли взяла из его рук купюру и направилась к барной стойке.

– Повтори! – крикнула она бармену. Тот налил еще вина.

Черт бы его побрал, выругалась она еще раз, стоило мне расслабиться, как он уже охмуряет мою подругу. Да и эта стерва хороша.

Эли залпом выпила бокал.

Она чувствовала, как ее охватывает раздражение. Оно поднималось откуда-то из глубины души. Ей стали противны эти распаренные лица, красный цвет кожи которых просвечивал даже сквозь полумрак. Ей стали противны эти тела, трущиеся друг о друга, когда каждый незнакомец норовил провести своими руками по твоей талии или бедрам. Ей стала противна эта музыка, однообразие которой вызывала головную боль. Ей стало противно, что она находится здесь.

Эли заплатила бармену и пошла к выходу, как можно незаметней, чтобы Эрик вдруг не стал ее останавливать.

В гардеробную звук проникал лишь отчасти. Эли ощутила заложенность в ушах.

В обмен на номерок грузная женщина передала ей пальто.

Она накинула его на плечи, даже не посмотревшись в зеркало.

– Такая красивая девушка, и так рано уходит домой, – прокомментировал ее уход охранник.

– С чего вы взяли, что домой? – вежливо огрызнулась Эли и вышла за дверь.

Здесь стояло несколько такси.

- Свободны? – спросила Эли у ближайшего.
- Да, – ответил водитель.
- Пансионат студентов.
- Двести...
- Поедемте.

Через двадцать минут они уже были на адресе. Эли поблагодарила водителя, отдала деньги и вышла из машины. Даже прогулка по ночному городу, который она так любила, не ослабила душевного напряжения. Лишь мышцы ног гудели от напряжения, отдаваясь усталостью по всему телу.

Эли подошла к большим железным дверям с вывеской «Пансионат студентов №1». Они были заперты. Она постучала три раза и стала ждать ответа. Пост консьержки был в нескольких метрах от входа. Эли надеялась, что миссис Рейчел не спит. Время, когда она должна была впустить студентов, назначено на два часа ночи. Обычно к этому часу подтягивались все учащиеся, разбросанные по ночному городу.

Она постучала еще раз. Послышались шаркающие шаги.

- Кто там? – раздалось по ту сторону дверей.
- Это Эли, миссис Рейчел.

Раздался звук отпирающегося засова. Двери открылись.

- Что так рано, милочка? – спросила миссис Рейчел, впуская Эли внутрь.
- Голова разболелась неожиданно, миссис Рейчел. Я решила ехать домой.
- А что же Эрик тебя не проводил.
- Я не стала его расстраивать. Пусть отдыхает.

– Ну, как знаешь. Тебе повезло, что еще не заснула. Так бы и пришлось стоять до двух часов у дверей.

– Да, мне очень повезло, – попыталась улыбнуться Эли. – Спокойной ночи, миссис Рейчел.

– Да куда уж там, – отмахнулась консьержка, устраиваясь поудобнее на продавленном диване.

Эли поднялась в свою комнату. Она быстро разделась, не включая света, и полезла в постель. Но как ни старалась, не спалось. Затаилась обида на Эрика, давила тяжесть в ногах и почему-то подступали слезы. Так ненавязчиво хотелось плакать, как при просмотре сентиментального фильма.

В коридорах пансиона было тихо. Большая часть студентов разъехалась на выходные по домам. Остальные разбрелись по клубам. В комнате моргал компьютер в режиме сна. Даже эта дурацкая машина может спокойно спать, сокрушалась девушка.

Она села на кровати, прислонившись спиной к стене, и закуталась в одеяло. Мелкая дрожь пробежала по всему телу, хотя в комнате было тепло.

– Да пошел ты, Эрик, – прошептала с ненавистью она. Слезы покатались по ее щекам. Она была рада им. Но никак не могла разрыдаться, словно что-то мучительно держало ее в тисках. Она бродила взглядом по темным очертаниям комнаты, боясь заглянуть в себя. В этом страхе она пребывает уже пару месяцев. И в клуб сегодня она пошла именно поэтому. Зачем обманываться, она хотела отгородиться от этого страха. Но ничего уже не помогало.

Эли закрыла глаза и расслабилась.

Она боялась ночей. Боялась этого момента, когда нужно раствориться в потоке своих мыслей, отдаться им на волю. Можно всю жизнь убежать от самой себя, но каждую ночь, когда ты будешь засыпать, укрыться от себя невозможно.

– Будь ты проклят, Роберт Фаррел! – выдавила Эли сквозь слезы и окончательно расплакалась.

Как мучительно ощущать на себе ответственность за жизнь другого человека. Даже если ты косвенно причастен к этой жизни. «Что я могла сделать? Что я могу сделать?» – надрывалась Эли. Слезы выходили из нее мучительно тяжело. Каждая капля отдавалась болью в груди. Она соскользнула с кровати на пол вместе с одеялом и укрылась с головой. Но боль не спешила уходить. Как жаждущий выжимает капли воды из пустынных песков степей, так Эли выдавливала из себя желанные слезы.

– Мамочка, помоги мне! – стонала она и затрагивала этим зовом какие-то глубинные струнки своей души. Плач становился легче.

Монитор будильника показывал час ночи.

Рыдания Эли утихли. Она все так же лежала на полу, закутанная в одеяло. Начинала болеть спина. Ее глаза опухли, но уже были сухими. Она лежала на спине и отрешенно смотрела в потолок. На время стало спокойно и легко, словно все окружающее ее уже не касается. Это желанное чувство облегчения, когда вдоволь нарыдаешься. Жаль, что проходит оно так же быстро.

Девушка посмотрела на часы, подобрала под себя одеяло, придвинулась к кровати и оперлась на нее спиной.

– Я должна поговорить с кем-то, кто знал его, – прошептала она.

Сознание ухватилось за эту мысль, как терпящий кораблекрушение ухватывается за обломки своего корабля в бушующем океане. До его родителей добраться невозможно, да и кто я такая, чтобы вот так заявиться к ним со своими проблемами. У него почти не было друзей.

Эли вспомнила о том редакторе, который выступал в репортаже. Он сказал, что ему случилось встретиться единожды с этим юношей.

Она сбросила одеяло на кровать. Достала футболку из шкафа, чтобы не было так прохладно, и села за компьютер.

Название издательства в Интернете было не так уж и сложно найти.

В разделе «контакты» был указан лишь один номер телефона. Навряд ли мне удастся найти по этому номеру нужного редактора. Она просмотрела архив сюжетов. Выписала имя и фамилию редактора издательства. Он говорил в репортаже, что «никак не ожидал, что этот парень окажется таким хоть и молодым, но талантливым писателем. Тем более мне печально, что книга его вышла при таких трагических обстоятельствах. Мы утратили большого мыслителя, – заключал он. – И, судя по книге, виноваты в этом только мы сами».

Его звали Натан Бойль.

Эли охватило возбуждение. Она хотела звонить уже сейчас, но это не было возможным.

Походив по комнате, она решила еще раз попытаться заснуть. Тем более не хотела она, чтобы в ее мысли ворвалась соседка, которая должна была прийти с минутой на минуту.

С опаской посмотрев на кровать, это орудие пыток, она разделась и легла.

Ее не покидали мысли о Роберта Фарреле. Возможно, ей удастся поговорить с редактором.

С этими мыслями она и заснула.

– Миссис Рейчел, можно я позвоню?

– Конечно, Эли. Звони, сколько тебе хочется.

– Как спалось, – поинтересовалась она в знак благодарности.

– Какой сон в наши-то годы, милочка.

Девушка улыбнулась. Она набрала номер издательства, с замиранием и нарастающим волнением стала слушать гудки в телефоне. Они оборвались. Заговорил автоответчик.

«Здравствуйте, Вы дозвонились в издательский дом „Редар“. Ваш звонок очень важен для нас. Если вы хотите поговорить с отделом продаж, нажмите один. Если хотите поговорить

с отделом допечатной подготовки, нажмите два. Если вам нужен отдел бухгалтерии, нажмите три. Если вы хотите поговорить с редакцией художественной литературы, нажмите четыре...»

Эли набрала четыре.

Снова пошли гудки. Вместе с ними волнение.

– Здравствуйте, издательство «Редар», – механически проговорила женщина на том конце провода.

– Здравствуйте, – откашлялась Эли. – Я хотела бы поговорить с Натаном Бойлем.

– Вы автор?

– Нет, – замешкалась она. – Мне нужно обсудить с ним важный вопрос.

– Натан Бойль работает только с авторами. Если у вас важный вопрос, могу соединить с коммерческим отделом или администрацией.

– Нет, спасибо. Мне нужен именно мистер Бойль.

– Простите, девушка, ничем не могу вам помочь.

Эли повесила трубку. Она стояла в замешательстве, ругая себя за то, что не была напористой. Но в то же время она была счастлива, что этот разговор закончился. Он был похож на общение с мертвецом из потустороннего мира. Он него также веяло холодом и отчужденностью.

– Спасибо, миссис Рейчел. Можно я позже еще раз позвоню? Человека нужного не оказалось на месте.

Миссис Рейчел отрешенно мотнула головой в знак согласия, тем самым показывая, что телефон в полном распоряжении Эли.

Она поспешила за компьютер. Нашла по старым ссылкам телефон телекомпании, которая показывала сюжет о Роберте. Побежала звонить.

Ответила женщина в годах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.